

Александра Млына

Жаннетта

Александра Ильина

Жаннетта

«Издательские решения»

Ильина А.

Жаннетта / А. Ильина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903786-2

После смерти отца молодой моряк Ганьетт де Ферре и его сестра вынуждены бежать в Картахену, но перед отплытием им предстоит расплатиться с теми, кто некогда помог их отцу. Однако нескольких золотых оказывается недостаточно, как могло показаться на первый взгляд. Судьба причудливым образом переплетает судьбы, вплетая в них любовь и ненависть, предательство и честь, неоплаченные счета и месть...

ISBN 978-5-44-903786-2

© Ильина А.
© Издательские решения

Содержание

Жаннетта	6
ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ГЛАВА 1 – Золотые Паруса	8
ГЛАВА 2 – Мечта	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

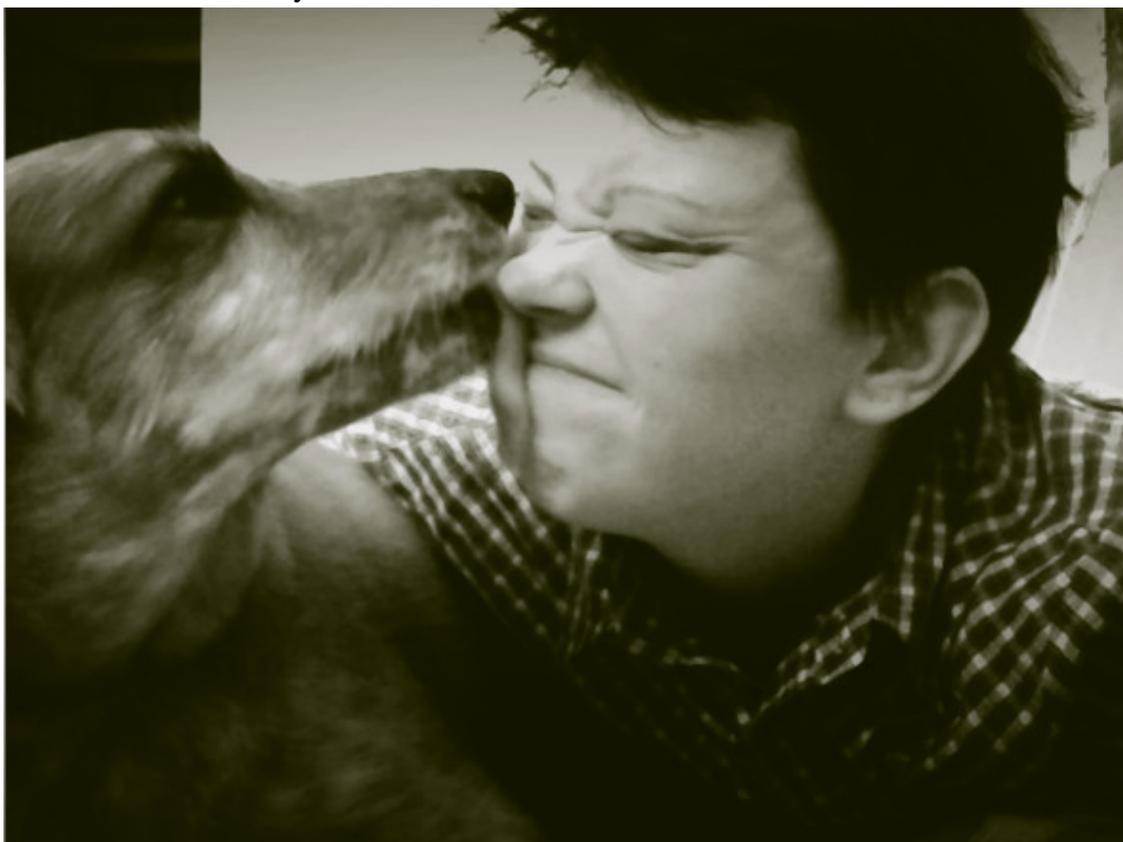
Жаннетта

Александра Ильина

© Александра Ильина, 2018

ISBN 978-5-4490-3786-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОТ АВТОРА:

Повесть «Жаннетта» была написана в 2008—2009 гг. в период моего первого курса на ИИиМО СГУ, во время первой в моей жизни зимней сессии. Окончание повести пришлось уже на первые денечки первого курса «филфака». Это произведение по праву считается моим самым «нефилологичным» и «неисторичным». Оно написано во времена тяжелых душевных переживаний, юношеского максимализма и первой любви. Именно поэтому оно – драматичное.

Желаю приятного чтения – погружения в мир, где зло всегда бывает наказано, а добро вечно.

e-mail для отзывов – ionowa.aleks@yandex.ru

Жаннетта

Посвящается:

*моему другу, ставшему прототипом одного из главных героев –
Жиганову Алексею.*

моему любимому городу и бесценным воспоминаниям, с ним связанным...

*Wir gehen durch den Weg,
den wir wählen.
Aber das, was bei uns ihnen ist,
zwingt uns diesen Weg auszusuchen!
(O, Genri).*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В комнате было тепло. Оно исходило волнами от горящего в камине пламени. Огонь завораживал, невозможно было отвести от него взор. Его отблески играли и переливались на гранях хрустального бокала, отражаясь в вине. Я смотрел на них, а за моей спиной, во мраке комнаты бродили призраки. Одни из них улыбались, другие – злобно скалились... Они уже давно звали меня в свой мир – мир, откуда пока еще никто не возвращался...

Тихие шаги раздались в коридоре, чуть скрипнула, отворяясь, дверь, и тени метнулись прочь, оставив меня одного.

«Входи, дорогая! Посиди со стариком, коли тебя не ждёт за воротами красивый уха-жёр!» – мягко произнес я. Она вошла, осторожно прикрыв за собою дверь. Села в кресло напротив, подобрав ноги, и с укором взглянула на меня. С улыбкой я отметил, что дочь по-прежнему носит на левой руке, вместе с обручальным, моё старое кольцо. То самое, что когда-то носил я, в своих тяжких скитаниях по западным краям (1).

«Не боишься злого рока этого кольца?» – спросил я, указывая на её нежные пальчики.

«Нет! А если он постигнет и меня и мне суждено отправиться в чужие земли, то я не страшусь. Лишь бы милый был рядом!» – ответила она с улыбкой.

– Знаю – знаю, милая, твой любимый вдали от тебя, а ты хранишь ему верность.

– Вы укоряете меня, отец?

– О, нет, дорогая! Наоборот, я горжусь тобой! И укоряю его.

– А вот это напрасно. Он вернётся. Обязательно. Конечно, даже каботажное плавание (2) сейчас небезопасно, но...

– О нём нет вестей уже давно...

– Да, отец, но я верю в чудо. Он непременно вернётся, вот увидите.

Я улыбнулся, вспоминая пылкие слова дочери, когда она впервые открылась мне и рассказала о своём возлюбленном. А потом он ушёл в каботажное плавание, и вот уже несколько месяцев от него не было вестей, но дочь по-прежнему верила, что её милый вернётся. Вместе с ней верил в это и я...

Я хотел ещё что-то добавить, но... вдруг дверь в комнату распахнулась и на пороге появилась фигура высокого человека. В левой руке он держал пистолет, а в правой канделябр с горящими свечами. Это был Диего де Ранье. Тот самый человек, о котором мы только что говорили. Мы с дочерью одновременно вскрикнули от удивления. Человек торопливо пересёк комнату и поставил канделябр на каминную полку. Затем он опустился передо мной на одно колено и протянул мне пистолет вперёд рукоятью со словами: «Месье, наше судно из каботажного превратилось в саботажное. Мы уходим на Запад, туда, где ещё можно пожить хотя бы чем-то. Я избран капитаном. И в Вашей воле – застрелить меня или отпустить со мной Вашу дочь! Решайте!» Я был поражён. Взяв из его рук пистолет, я протянул его дочери, прибавив: «Решай, Жизель!» Она в ответ рухнула на колени, рядом с Диего, шепча: «Я хочу отправиться с ним!»

«Что ж, дети мои, благословляю вас двоих. Берегите друг друга и да хранит вас Дьявол, ибо Господь откажется от вас в тот самый миг, как только вы ступите на путь порока, избранный вами!»

Я не знаю, как сложилась судьба моей дочери после того памятного вечера. Я больше никогда не видел ни её, ни Диего, но через год с Запада до меня дошли слухи о бесчинствах и подвигах одного новоявленного пирата. «Имя» его было – Демон ночи. Говорили о его великолепной бригаantine, что ходит под золотыми парусами и о красавице-старпومه – его жене. И тогда я понял, что наследство моё не растрачено зря наследниками, а дело всей моей жизни не кануло в Лету (3)...

ГЛАВА 1 – Золотые Паруса

долговые листы – ночной гость – решение – рабство – выбор – старший абордажник – контрабанда – снова плен – ночное бегство – Она – шальная пуля – «Жаннетта».

Вы когда-нибудь задумывались над простыми вопросами – «Что движет человеком?»; «Почему он живёт?»; «Почему так цепляется за жизнь?»; Признаюсь честно, лично я – никогда. Никогда раньше... В моей прошлой жизни ни всё складывалось легко, но и нетрудно. Сын богатых родителей – я ни в чём не знал нужды. После окончания курса университета, я был «обречён» на ведомственную службу. Получал бы чиновничий паёк, раздобыл бы, женился, и жил бы себе тихо и мирно своей чуть вороватой чиновничьей жизнью. Но судьба распорядилась иначе. Когда я, едва успев окончить курс в университете, был готов «расправить крыльшки», умер мой отец. Доктора поставили печальный диагноз – слабое сердце. Ни о какой службе в ведомстве я уже и не помышлял тогда. Убитый горем, я вернулся домой. Здесь всё осталось в том же порядке, что и до моего отъезда из дома. После похорон, я занялся делами батюшки. К слову сказать, мой почтенный, а к тому времени – покойный, родитель был владельцем маленького, но, как мне тогда казалось, довольно процветающего агентства, занимающегося перевозкой чая. Чай вывозился с плантаций Нового Света и перепродавался местным купцам. Дело прибыльное – так всегда говорил мой папенька. И мы с маменькой ему верили – деньги в доме водились всегда. Я думал, что так будет и впредь, но...

Итак, я взялся за папенькины бумаги. И в первый же день меня постигло разочарование – здесь было столько долговых листов, что мне сделалось дурно. А затем наш дом начали посещать кредиторы лично, или их клерки. И мне пришлось платить. Я не собирался отмаливаться, как это делал папенька, или обещать покрыть все долги в следующий сезон. Конечно, это было в какой-то мере глупо, но... это было так. Мне пришлось распродать всё наше имущество. А когда умерла моя матушка, мне пришлось хоронить её в простом гробу... Это было ужасно! После её похорон, я вернулся в крохотную квартирку, где мы с ней жили последние несколько месяцев. Когда я вошёл, то увидел на столе белый листок бумаги. Это было последнее долговое обязательство. Увидев сумму, я понял, что ради того, чтобы расплатиться с кредитором, мне придётся либо продать эту крохотную квартирку, и остаться без крыши над головой; либо продать последнее своё сокровище – кольцо, передававшееся в нашем роду из поколения в поколение и имевшее огромную ценность. Когда-то давно отец рассказывал мне, что это кольцо было привезено моим предком из Америки. Он, будучи тогда 25-летним солдатом в отряде Эрнандо Кортеса (4), снял это кольцо с руки мёртвого вождя майя – Монтесумы – и утаил при дележе добычи. Вернувшись же на Родину, он не продал кольца даже в самые тяжкие дни своей жизни и завещал передавать сей артефакт из поколения в поколение от отца старшему сыну или внуку. И лишь когда угаснет наш род и не останется больше никого из мужчин – что бы Вы думали? Продать колечко? Нет! – выбросить его в воды Атлантического океана, чтобы оно могло вернуться к родным берегам! Ещё мой дед, а за ним и отец, любил повторять, что однажды кровь убитого взовёт и тот, кто будет тогда хозяином кольца, отправится в обратный путь и ступит на земли, которые не посещал никто из Влеруа, с тех самых пор, как молодой Алехандро вывез с Запада это кольцо. Таков «скелет в шкафу» у нашей семьи. В тот вечер я долго сидел в темноте моей каморки, обдумывая ситуацию так и сяк. В конце – концов, я заснул, так ничего и не придумав.

Разбудил меня громкий стук в дверь. Я с трудом разлепил веки и потянулся. Стук стал более громким и настойчивым. Чертыхнувшись, я пошёл отпирать. Солнце ещё не взошло,

а ночь была безлунной – натываясь в темноте на углы и стены (мебели здесь было крайне мало) я добрался всё же до двери и отпер её. Кто стоял за порогом? – я не разобрал. Незнакомец был закутан в плащ, а лицо было скрыто полями шляпы. Прогрохотав тяжёлыми сапожищами через всю комнату, он остановился у окна. Закрыв дверь, я вернулся к столу. Долго искал свечу, затем огниво и, наконец, зажёл огарок. Свет был скуден и неярк. В его отблесках я принялся рассматривать вошедшего. Это был человек высокого роста и стройного телосложения. Все его движения были легки и изящны. Скинув шляпу и плащ, он бросил их на мою кровать и удобно устроился на стуле (если вообще можно говорить об удобстве), напротив меня. Его мундир без слов указал на то, что его владелец – человек военный, но галифе и ботфорты указывали на его принадлежность скорее к «морской братии», нежели к сухопутной. У него были чёрные волосы без малейшего намёка на седину, мужественные черты лица, широкие скулы, высокий лоб, и необычные, «светящиеся» глаза. Они словно бы излучали свет и тепло. Живые изумруды, а не глаза. Что ещё могу сказать о своём ночном госте? Его наряд завершала пара пистолетов и морской офицерский палаш. Его лицо было перечеркнуто двумя шрамами от сабельных ударов на левой скуле. И, наверное, ещё то, что именно он изменил всю мою жизнь, как говорится, «от и до». А в тот вечер, окончив своё беглое знакомство с его внешностью, я спросил его: «Монсеньор, прошу Вас, будьте любезны представиться и объяснить причину Вашего визита в столь позднее время».

«Хм... Хорошо, месье, я отвечу на Вашу просьбу, но позвольте прежде сделать крохотное замечание – время уже далеко не позднее. Скорее оно раннее – когда я пересекал площадь, часы на башне пробили половину пятого, – ответил он. И его мягкий, бархатистый голос буквально окутал меня. – Но продолжим. Я отступил от темы и теперь возвращаюсь к ней. Итак, моё имя – Ганьетт де Ферре, но чаще меня называют несколько иначе. Как именно – узнаете позже. Мой визит к Вам – необходимость. Много лет назад Ваш почтенный батюшка оказал моему огромную услугу. В обмен было обязательство, что расплата останется сыновьям. Мой батюшка почил два дня назад и в завещание оставил этот долг. Точнее говоря, нам двоим – мне и сестре. Но наша жизнь непредсказуема и, во имя спасения, мы вынуждены бежать за океан. Корабль отчаливает через несколько часов и если Вы согласны отправиться с нами...»

– Куда именно?

– Картахена. Потом, ... как карта ляжет.

– То есть, подадитесь в пираты?!

– Я этого не говорил.

– Но Вы об этом подумали.

– Так Вы с нами?

– Лучше сдохнуть от голода, чем опереться на руку вора или убийцы, или, что ещё хуже, запятнать свою честь, приняв помощь пирата!

– Что ж, здесь наши пути расходятся и, если Вы не измените своего мнения, то, видимо, навсегда. Здесь, – он бросил на стол кожаный кошелек, – несколько золотых. Это честное золото – последнее, что оставил нам отец. Я думаю, что его будет достаточно, чтобы оплатить мои обязательства перед Вами. Но, если однажды судьба предоставит мне шанс помочь Вам когда-то ещё, я готов! Теперь прощайте!

И, подхватив свои вещи, он вышел. А я так и остался стоять на том же самом месте. Слишком велико было моё удивление...

На следующий день, оплатив долг, я отправился в лавку и на оставшиеся несколько золотых купил себе сыра, хлеба и вина. В тот день я попиrowал на славу. Жизнь вдруг снова показалась мне лёгкой и приятной. Но уже на следующее утро я начал жалеть о своей расточительности. Почти целый месяц я жил тихо и спокойно, а к тому же довольно сытно, но мысли о де Ферре не покидали меня. Постепенно я начал понимать, что в чём-то он был даже прав, уезжая

за океан в поисках счастья. И вот однажды, примерно через семь недель поле его визита, когда у меня не осталось ни гроша за душой, я продал свою каморку. На вырученные деньги я купил себе новые башмаки, куртку и пару пистолетов. А затем отправился в порт и нанялся матросом на судно, вскоре уходившее в Новый Свет.

Наше путешествие длилось долго, а сколько именно, не столь важно, но конец его был однозначен, как я понял позднее. Мы прибыли на Гаити, или как его ещё называют, Санто-Доминго, в конце ноября месяца 1603г. от Рождества Христова. В тот самый год, когда на английский престол вступил король Шотландии – Яков I. Едва мы встали на якорь, и приступили к разгрузке, как мне и ещё нескольким новичкам, ни разу не бывавшим на западных берегах, было приказано явиться к капитану. В его каюте нас уже ждали. Там нам и объявили, что теперь мы – собственность некоего богача, который купил нас для работ на своих чайных плантациях. Один из нас – совсем ещё мальчик – кажется, его звали Рудольф – начал отчаянно сопротивляться и кричать, что так нельзя поступать со свободными людьми, коими мы и являемся. Я и бровью не успел повести, как щёлкнул затвор и молодой матрос, неловко подломив колени, грузно рухнул лицом вниз на дощатый пол каюты; дёрнулся и затих. Около его головы медленно начала растекаться тёмная вязкая лужа... Я поднял взор на капитана. Его рука сжимала всё ещё дымящийся пистолет. «Здесь нет альтернативы! Всего два пути – рабство или смерть. Они имеют один и тот же смысл, они равнозначны. Поэтому выбирайте сейчас – смерть или... смерть. За малейшее неповиновение вас ожидает та же кара, что и вашего непокорного товарища. Вы – вещи! Не более того. Всем всё ясно?» – чуть торжественно произнёс капитан. Его слова звучали громом в гробовой тишине каюты. Мы усердно закивали головами. Оказаться рядом с Рудольфом (или как там его звали) никому не хотелось. Нас увели в кандалах, как преступников. Впервые, за всё время, я искренне пожалел, что не отправился вместе с де Ферре... Вряд ли его постигла такая же участь – он был слишком умён.

Раб нем, но не глух! Он беспрекословно подчиняется своему хозяину и терпеливо сносит все «издержки профессии». Мы работали много, очень много – по 17 часов в сутки; ели лишь утром, а пили лишь вечером. Меню было скудно – маниока (5), бататы (6), снова маниока. Вода, что нам давали, была мутна и застойна. А спали мы прямо на земле, под утлыми тростниковыми навесами. И не думайте, что мы спали много! На сон нам отводилось целых 7 часов, но почти половину этого времени мы были заняты тем, что плели корзины, делали рукоятки к ножам. Женщины плели сети, обжигали горшки – всё это составляло наши скудные средства к существованию. Если хорошо сплетены сети, то поймашь много рыбы и будет сытный ужин; если красива будет посуда и крепкие рукоятки к ножам, то хозяин продаст их на рынке, а нам взамен даст маниоки и бататов. Если же нет, то мы будем голодны и хворы. Много было среди нас белых, но преобладали всё же негры. Но нас объединяло одно – мы все были невольниками, рабами, вещами... Нас часто били и наказывали за малейшую провинность. Я сам не однократно подвергался подобным наказаниям, но однажды на мою долю выпала пытка, считавшаяся самой жестокой из всех. Дело было так. Всю ночь я не спал – гнул спину, плетя вместе со всеми сети. Так что к моменту «выхода на плантацию» буквально валился с ног. К тому же в последние дни я ничего не ел, кроме пары пресных лепёшек – наши запасы подходили к концу, а снабжать нас новыми хозяин не спешил – по городу ползли слухи об эпидемии. Был самый разгар тропического «лета» и по острову, улыбаясь своей смердящей улыбкой, размашисто шагал Жёлтый Джек (7). Так вот – я был голоден и валился с ног от усталости. Поэтому едва смог подняться и, пересилив себя, поплёлся вслед за остальными. Когда же мы пришли на место – в это пекло, то... я не помню, что именно случилось со мной – возможно виною всему был голод – я буквально рухнул на землю, подломив колени, как тот бедняга, погибший от руки капитана... Это соответствие – последняя мысль, посетившая мой воспалённый мозг, прежде, чем наступила темнота...

За «отлынивание от работы» меня подвергли суровому наказанию – сотня ударов кнутом и в завершение «солевые ванны». Наверное, это от приближения Жёлтого Джека надсмотрщики так озверели... Или причина была в чём-то ещё?! В чём заключалась пытка? Бр-р-р, страшно вспомнить. Иссечённого тяжёлым конским кнутом, меня заковали в деревянные колодки и оставили на солнцепёке. Более того, с завидной регулярностью меня окатывали солёной морской водой, в избытке хранившейся в резервуаре на плантации, специально для подобной пытки. Вода была застойной и горячей. Соль разъедала раны – это было мучительно. Мне хотелось пить, и я жестоко страдал от боли. Но постепенно в глубине моей души закипало и ещё одно чувство – желание отомстить! Желание столь кипучее и обжигающее, коего я не знал ранее...

Так прошёл день, а за ним и ещё один. Даже ночь не приносила облегчения. Было душно и мерзко от ползающих по спине насекомых. Казалось, временами я впадал в некое забытё, переставая замечать и ощущать происходящее. И всё же большую часть времени я бодрствовал, и муки мои были ужасны. О, как часто я вспоминал в такие минуты де Ферре и его слова: «...если однажды судьба предоставит мне шанс помочь Вам когда-то ещё, я готов...». Как же мне нужна была теперь его помощь... Этой пытке положено было длиться ровно трое суток, но... Со мной всё было иначе. На вторую ночь, незадолго до рассвета, я услышал крики и отдалённую пальбу. Я открыл глаза и попытался реально оценить ситуацию – не снится ли мне всё это? Нет, это мне не снилось – но это я понял позднее, а тогда, едва осмотревшись и осознав реальность, я услышал сухой, как выстрел, приказ старшего надсмотрщика: «Бейте рабов! Не дайте им уйти!» Думаю, здесь стоит сделать крохотное отступление, сказав, что при пиратских нападениях плантации и сами усадьбы богачей придавались разграблению, а потом сжигались. Хозяев, как правило, убивали, а рабам даровали свободу. Именно освобождённые рабы и пополняли команды пиратских кораблей. Частенько пираты нападали на богатые плантации не только из-за золота, но и из-за рабов. Нередки были случаи, когда хозяева сами сжигали добро и убивали рабов, когда понимали, что им не отстоять всего этого! Едва я успел подумать, что, возможно, это мой шанс на освобождение, как, получив сильнейший удар по голове, потерял сознание...

В сознание меня привёл душ ледяной и, что самое удивительное, пресной воды. Раскрыв рот, я пытался поймать живительные струи, чтобы утолить жажду, терзавшую меня всё это время. И тут я услышал голос. Он был мне, несомненно, знаком. Пожалуй, лишь один человек в целом свете обладал столь мягким, «обволакивающим» голосом. Мужчина отдал команду: «Джим, принесите флягу и дайте ему напиться, но в меру!» Уже через мгновение чьи-то сильные руки подхватили меня, приподняли мою голову и холодный металл коснулся моих растрескавшихся от жары губ. Вода! Я пил её жадно, большими глотками, не чувствуя боли в спине и ногах. А когда фляжку отняли от моих губ, я со стоном повалился назад и снова потерял сознание...

Свобода, Равенство, Братство! Пей, и Дьявол тебя доведёт до конца! Свободу голодранцам! Не посрамим чести Братства! За ром, золото и капитана! Свобода до гроба! Господь покровительствует праведникам, а Сатана – проклятым! Наши имена вечны! Наша слава – наши клинки!...

Сколько подобных девизов знает история?! Сотни и тысячи! Это боевые кличи отвергнутых и проклятых, тех, кто прошёл против всех и выиграл или проиграл – не важно; но, однозначно, навсегда вписал своё имя в список бессмертных! Но есть в истории один клич, от которого и поныне замирает моё сердце. Клич, который не раз и не два заставлял мою кровь кипеть, а руку – наполняться силой и разить вновь и вновь. Эти слова просты и стары, как мир, но в них заключена вся моя жизнь, весь её смысл: «Потомки помнят великих!» Этот клич был со мною всегда, и забыть его я не в силах.

Очнувшись, я увидел перед собой уже знакомое мне лицо и вновь подумал, что глаза моего спасителя каким-то таинственным образом излучают свет. И вновь я мысленно сравнил его глаза с изумрудами. И слабо улыбнулся. Он едва заметно улыбнулся в ответ, спросив: «Вам уже лучше?»

«Да, благодарю!» – ответил я.

– Отлично! Итак, моё имя Вам уже известно, соблаговолите назвать Ваше.

– Эммануил Влеруа.

– Сколько Вам лет?

– Двадцать шесть.

– Превосходно. Я слышал, Вы окончили курс в университете.

– Да. Это так. Но, едва окончив обучение, я вынужден был вернуться домой, так как умер мой почтенный батюшка.

– Что ж, как знать, может быть, это и к лучшему. А теперь последний вопрос, Эммануил, – он замолчал, аккуратно заряжая свой пистолет. Затем, подняв на меня взор, продолжил. – Вы согласны пойти ко мне в команду? Или по-прежнему считаете, что «лучше сдохнуть от голода, чем опереться на руку вора или убийцы, или, что ещё хуже, запятнать свою честь, приняв помощь пирата»? Решайте.

– А, что со мной будет, если я откажусь?

– Хм, я высажу Вас в первом же порту.

– Имеете право на заходы в порты?

– В некоторые. Если выберете вражеский, высажу в бухте и объясню, как добраться до города. А там, как знаете.

– И... что меня ждёт там?

– Что может ждать раба? Притом беглого.

– Но я не...

– Чем Вы докажете это?

– ... ни чем...

– Так?..

– Что ж, если меня уж всё равно ждёт смерть, то ни всё ли равно какая и когда?! Я согласен... пойти к Вам в команду.

– Ну, вот и славно. Чем владеете лучше: молотком, секстантом (8) или палашом?

– Пожалуй, последним. Но предпочитаю два клинка.

– Великолепно. Предыдущая схватка лишила меня старшего абордажника и, надеюсь, Вы сможете его заменить. А теперь поднимайтесь. Ваша одежда на стуле. Я жду Вас на палубе. Поспешите. Посмотрим, на что Вы способны.

Как только он покинул каюту, я принялся торопливо одеваться. И хотя боль в истерзанной спине изрядно мешала мне, я не заставил себя долго ждать.

Бой был ни из лёгких. Капитан явно хотел проверить меня «по всем статьям». Что же, скажу, не хвастая – я выдержал испытание с честью. После изматывающего получасового «экзамена», капитан вдруг резко опустил своё оружие и, сделав шаг назад, торжественно объявил: «Что же, Эммануил, я не ошибся в Вас. Вы достойны того, на что замахнулись. Быть Вам старшим абордажником на нашем прекрасном судне – „Принцесса моря“!» Убрав оружие, капитан подошёл ко мне. На его протянутой ладони вдруг что-то блеснуло, и я узнал своё фамильное кольцо. «Оно Ваше. Не так ли?» – спросил он. «Да, благодарю! Вы вернули мне самое ценное, что есть у нашей семьи!» – ответил я, бережно приняв кольцо из его рук. Так началась моя новая жизнь. Жизнь, о которой я ни разу не пожалел! Не жалею и сейчас, так как это были самые прекрасные дни!

«Принцесса моря» шла переменными галсами (9), а конечная точка её маршрута следования располагалась на побережье небольшого островка, носившего название – Барбадос. Корабль – это была добротно сработанная шхуна (10) – низко «сидел» в воде, так как был тяжело нагружен. Мы везли то, что некие люди предпочитали свободно покупать, а затем перепродавать это в Старом Свете – кампеш (11) и сандал (12).

Это была более чем просто выгодная контрабанда. Капитан намеревался получить за всё это много денег. Помню, в тот вечер, за пару дней до прибытия в условленное место, я стоял на шкафуте (13), свободно облокотившись о фальшборт (14), и смотрел на море. В моей голове роились различные мысли. А самая первая из них – как непостоянен мир. И вот, в тот самый момент, когда я усиленно решал вышеозначенный вопрос, ко мне присоединился некто. Сперва я принял его за мальчишку, хотя он был явно старше того возраста, который подходит юнге. Невысокий рост, чумазое личико, на котором светились два крохотных изумрудика, курносый нос. Одет он был в короткие матросские штаны, подхваченные на талии ремнём, и холщовую рубаху. На голове у него была кепка с большим козырьком, под которой прятались его волосы, вероятнее всего коротко стриженные. На ногах – грубые парусиновые башмаки. Вид у него был не особо опрятный, но отнюдь не жалкий. Усевшись на пустой бочонок, он вытащил из кармана яблоко, обтёр его рукавом и принялся есть с аппетитом, весело болтая ногами. Примерно через минуту он спросил: «Скучаешь по дому?» Голос у него был приятный, задорный и по-мальчишески озорной. Вопрос меня несколько огорошил, но я быстро нашёл ответ: «У меня нет дома».

– В бегах?

– В общем, нет, просто ищу место, которое смогу назвать своим домом.

– Поня – а—атно, – протянул он, выбрасывая огрызок за борт.

– Ну, а ты? Скучаешь?

– Нет. Мой дом здесь и мне нет нужды...

Договорить ему не удалось. «Жан! Жан, негодный мальчишка, ну где же он? Жан, чёрт тебя побери!» – донёсся зов капитана со шканцев (15). Мой собеседник мигом испарился, видимо, не желая испытывать терпеливость своего начальника. А я вновь углубился в свои размышления. Только свою последовательность они уже утратили. Ход их то и дело нарушался обликом «палубного мальчишки» (16). Его непринуждённое поведение, задор, живые и умные глаза – впечатление от всего этого не покидало меня на миг. У меня никогда не было младших братьев или сестёр, а детьми я ещё не успел обременить себя. Наверное, именно поэтому, не иначе, простой мальчишка произвёл на меня столь сильное впечатление. Или же нет? Странно, но что-то в этом было. Только вот в тот вечер я решил не задумываться об этом капитально. Возможно, зря. Если бы я вдумался чуть глубже и дошёл до сути, то это, наверняка, уберегло бы меня от иного потрясения, испытанного мною несколько позже.

К Барбадосу мы подошли ночью. Не зажигая фонарей, стали на якорь в условленном месте. Это был крохотный заливчик с трудно запоминающимся названием. Спустили шлюпку. Боцман построил на шканцах всю команду, а я своих ребят. Капитан, выйдя из своей каюты, устроил краткий инструктаж для офицеров, а затем, пожелав нам всем удачи, быстро спустился в лодку. Я, как старший абордажник, должен был сопровождать его. Мы с тремя лучшими парнями из моего отряда спустились в лодку вслед за капитаном. За нами последовал ещё один пассажир. Это был молодой человек невысокого роста. По белоснежному шейному платку я отметил, что он – один из старших офицеров. Капитан его никак не представил, а я его ранее не знал. Но удивляться времени у меня не было. Мы стали грести, а он сел к штурвалу. Лодка вскоре достигла берега и мы ступили на песок. Один из моих ребят остался в лодке, а мы все пошли по пляжу к ближайшей купе деревьев, где в тени нас ожидало несколько человек – наши покупатели. Проще говоря, перекупщики. Пока мы шли по освещённому серебристым лунным светом пляжу, меня, шедшего позади капитана и незнакомого мне ранее офицера, ни

на секунду не покидала мысль о том, что где-то я уже встречал этого своего «коллегу», но где и когда именно, я так и не смог припомнить. Между тем, мы ступили под сень пальм, и нам навстречу вышел главарь скупщиков. Это был детина высокого, если не сказать огромного, роста, с гладковыбритой головой и сплошь татуированными руками. Гора мускулов, а не человек! «Доброй ночи, капитан!» – пробасил он. «Доброй!» – ответил тот.

– Что торгуешь?

– Кампеш и сандал.

– Хорош товар, но рабы нынче идут лучше.

– Их трудно достать и доставить. Так берёшь, что есть?

– Сколько?

– 300 000

– Идёт.

Они ударили по рукам. Перекупщик назвал нам место выгрузки и подозвал своего помощника. Положив ему на плечо руку, представил юношу: «Мой помощник – Гранд. Он примет у вас товар и всё оплатит».

«Будем знакомы, капитан», – произнёс Гранд, протянув руку. Пират пожал её, но в ту же секунду на его запястье ловко щёлкнули кандалы. «Будем знакомы, капитан!» – снова повторил Гранд, уж слишком весело скалясь. Мы схватились за оружие, но поздно – вышедшие из-за деревьев солдаты окружили нас. Это была засада. Со всех сторон на нас были направлены дула огнестрельного оружия... У нас был выбор – сдать оружие или умереть. Но мы хотели жить и под прицелами противника сдали своё оружие. Под конвоем нас повели в город.

Наш путь пролегал через джунгли, где каждый кустик, каждое деревце было за нас. Нам словно бы суждено было спастись. Небо затянули свинцовые тучи, а луна померкла. Подул сильный ветер – всё предвещало ненастье. Ведь в тропиках всегда так – налетит шквал, омоет листву ливень и вновь всё тихо, будто бы и не было шторма. Конвоиры заторопились, подгоняя нас изо всех сил – им, конечно же, не хотелось быть застигнутыми дождём. Но, как не торопили нас солдаты, как не подгоняли они нас самой отборной бранью и тычками пик, шли мы всё равно медленно – высматривая и надеясь на то, что вот-вот представится удобный случай к бегству. И, как оказалось, не напрасно. Случай и в самом деле представился. Абордажник, оставленный мною в лодке, видел, как нас схватили и увели. Сам он при этом остался незамеченным врагами, так как лодка была скрыта за скалами. Всю дорогу он скрытно следовал за нами и в решающий миг, когда с неба вдруг хлынул поток воды, перешёл в наступление. На наше счастье солдат было всего десятеро – по двое на брата – а в кандалы был закован лишь капитан. Остальным только связали руки. Не ожидавшие нападения со стороны, они растерялись, а Джеймс – так звали нашего спасителя – успел воспользоваться этим. Разрядив оба свои пистолета в головы шедших в авангарде, он выскочил из засады, как чёртик из шкапулки, и пошла потеха. Разрубив путы мне и ещё одному абордажнику, он принялся отбиваться от выживших патрульных. Мы же, тем временем, подхватили оружие убитых. Я ловко перерезал путы незнакомого офицера. Увы, капитану я помочь ничем не мог – у меня не было ключа. Но он не особо и расстроился, самостоятельно добыв ключ – стукнул кандалами по голове начальника патруля, вытащил у него из кармана ключ и, спустя несколько мгновений, вновь был свободен. Но я этого уже не видел – меня в тот момент больше занимали двое в солдатской форме, теснившие меня прочь от дороги. В конце – концов, мне пришлось, прижавшись спиной к скале, призвать на помощь свою счастливую звезду или распрощаться с жизнью. Бой был не особо продолжительным, но выматывающим. Так что вскоре я начал понимать, что если не подоспеет помощь, то он будет для меня последним. Но помощь не заставила себя ждать – она явилась в лице офицера, личность которого всё ещё оставалась загадкой для меня. Напад

на солдат сзади, он изрядно облегчил мне задачу. Не прошло и получаса, как оба красных мундира (17) стали ещё алее из-за окрасившей их крови, а их хозяева менее тёплыми и разговорчивыми.

«Благодарю, сударь, что помогли мне!» – вежливо обратился я к своему спасителю.

«Пустяки! Мы же с Вами не чужие», – ответил он. В его голосе мне послышались знакомые нотки. Где-то я уже слышал его.

– Простите, сударь, мы знакомы?

– Скорее нет, чем да, но я много о Вас слышала, Эммануил.

– Что, простите?! – удивился я.

– Ах, дурацкий костюм, – с неудовольствием воскликнул мой собеседник, ловко сорвав с головы шляпу.

Лунный свет (а мы стояли на довольно большой полянке и, вышедшая после шквала (очень мимолётного, между прочим) луна хорошо освещала окружающий ландшафт) упал на лицо и кудри моего спасителя. И только тут я понял, что это вовсе не спаситель, а спасительница. Да-да, это была молодая женщина, ещё совсем девушка. С тонкими, правильными чертами лица, глубокими и чистыми глазами изумрудного цвета, золотистыми, чуть выющимися волосами. Я буквально залюбовался ею, а потом вдруг спросил: «Вы сказали, что слышали обо мне, но от кого?»

– Верно. Я много слышала о Вас. От кого? От брата.

– От брата?

– Вас это удивляет?

– Н-нет, – чуть запнулся я. И тут меня осенило – ну, конечно же. Перед моим мысленным взором тут же предстала картинка из прошлого. Моя бедная каморка под самой крышей и ночной гость, назвавшийся Ганьеттом де Ферре... Он же ясно сказал тогда, что батюшка долг расплаты им двоим – ему и сестре. Теперь всё стало на свои места.

– Сударыня, простите меня, я не ... – промямлил я.

– Оставьте. Здесь ни место. А по-поводу того, что Вы не узнали во мне женщину – так это просто комплимент. Брат специально заставляет меня носить этот костюм и даже грозитя остричь мне волосы. Так что... лучше забудьте о том, кто я такая! – она вновь надела шляпу, спрятав под неё свои чудесные локоны.

– Простите ещё одну мою бестактность, но тогда, кто Вы?

– Во-первых, не «Вы», а «ты». Во-вторых, ... – договорить она не успела.

Краем глаза я заметил, как один из «убитых» (а на самом деле тяжелораненый или оглушённый солдат) поднимает пистолет и целится в неё. «Странно, почему мы не обыскали трупы? – часто спрашивал я себя позднее – Почему не собрали оружие? Легкомыслие? Возможно». Но, так или иначе, но всё произошло именно так, как и должно было произойти. Возможно, отбери мы у них тогда оружие, и всё было бы иначе, и конец этой истории был бы совершенно иным, но, ... ни о чём не жалею. Итак, он целился в неё, а она ни о чём не подозревала, стоя к нему спиной в опасной близости. Мой инстинкт защиты слабого сработал мгновенно. С криком: «Берегись!», я бросился к ней, закрывая её собой. Пуля просвистела в воздухе. Уже в полёте я услышал её свист, и только после этого почувствовал боль в левой половине груди и рухнул без памяти в траву... «Это конец!» – промелькнуло в моём мозгу, и наступила тьма...

Не знаю, сколько прошло времени, да это и неважно. Мне кажется, целая вечность. Меня окружали боль и огонь – они пытали меня, но я, казалось, не осознавал этого. Я, словно бы шёл, но под ногами и вокруг меня был только огонь, огонь, огонь... Реальность заменила бред слишком быстро и неожиданно – я вдруг почувствовал себя лежащим на постели, а весь окружающий мир раскачивался в некоем ритмичном кружении – или мне это только казалось? Всё тело

ломило, а левую руку словно бы оторвали от тела и пришили заново, спину и плечо жгло огнём, а голова раскалывалась. Во рту пересохло словно после хорошей попойки... В общем настроение и состояние были крайне паршивыми... Я едва приоткрыл глаза и прохрипел: «Воды». На мой лоб легла чья-то холодная рука, а губ коснулся металлический край кружки. Вода – жизнь. Она обожгла мои потроха, словно крепчайший ром, но зато отступила жажда. Я пил жадно, стремясь утолить жажду, но напиток мне не дали. Опустошив кружку, я вновь рухнул на постель, в объятия огня и боли... И тут я услышал голоса. Один явно принадлежал капитану (уж его-то голос я не спутал бы ни с чьим другим – таким он был особенным); другой – резкий и сухой – принадлежал, скорее всего, корабельному врачу. «Не выживет», – лаконично констатировал док. «И нет надежды?» – спросил капитан.

– Нет. После такого не выживают. След пули пролёг слишком близко к сердцу. Удивляюсь, как он вообще ещё жив! Обычно умирают быстро, в первые часы, от кровопотери, а этот уже третьи сутки мается! Но жилец из него уже никакой!

– Эх, чёрт! Не везёт мне с абордажниками, ну прям один за другим к Морскому Дьяволу отправляются...

– А ведь всё из-за бабы. И тот, и этот.

– Молчал бы лучше! Абу был дураком и я тут ни при чём, а этот... Он выживет! Назло всем вам! – эти слова были произнесены уже знакомым мне «мальчишеским голосом», принадлежавшим моей спасительнице. Значит и она здесь. Конец этого препирательства мне не суждено было услышать. Видимо, я, в самом деле, был на грани или почти за ней, т.к. снова провалился в забытьё.

Миры летят, года летят, а человек – лишь песчинка в огромном космосе жизни... Так было и со мной. Судьба играет с нами, а кто-то там, наверху передвигает фигурки на шахматной доске и этот кто-то решил тогда, что мне ещё рано... Я выжил. А, может быть, этот кто-то решил не огорчать прекрасную сестру капитана...

Солнечный зайчик скользнул по стене каюты, задержавшись на моём лице особенно долго. Наверное, он желал разбудить меня. Я проснулся. Открыл глаза и уже хотел сладко потянуться, но резкая боль в левом плече помешала... Резкая, острая, словно клинком прошлись. Я поморщился и, приподнявшись на локте, окинул взглядом каюту. Я находился в моей каюте на борту «Принцессы моря». На моём рабочем столе стояло несколько склянок и бутылок. На стуле лежала чистая одежда, на спинке висела португеза, а клинок лежал на полу, рядом с ним валялись мои сапоги. Сидя на полу и положив голову на постель, спала девушка. Та самая девушка, которая однажды уже спасла меня. Бедняжка. Она измучилась, уснув в столь неудобной позе. Я не хотел её будить, но так уж вышло. Во сне она держала меня за руку, и едва я попробовал освободиться, как она проснулась. Взглянув на меня, она вдруг заулыбалась, совсем по-детски и неподдельно радостно. Я тоже улыбнулся, но тут, же гримаса боли вновь исказила мои черты. «Очень больно?» – участливо спросила она, помогая мне вновь улечься. «Не очень», – солгал я.

– Лжёшь, – она снова улыбнулась, кажется, ещё очаровательнее.

– Лгу, – сознался я. – Совсем не болит.

– Шутишь?! Значит, тебе уже лучше.

– Это верно.

– А капитан боялся, что вновь лишился старшего абордажника.

– КАПИТАН боялся?

– Да, КАПИТАН боялся.

– Что ж, его страх оказался напрасен. У меня оказался слишком хороший спаситель...

– Ну, что ты такое говоришь?! Это ты меня спас тогда. Так что, спасибо тебе огромное!

– Не благодари. Жизнь, за жизнь...

– И всё равно, спасибо! – улыбнулась она.

«Принцесса моря» легко рассекала волны. Она держала курс на юг. На юг, к экватору. К берегам, где можно было переждать сезон дождей и штормов в порту. В родном порту, вход в который открыт ни для всех. Моё выздоровление шло своим чередом. Я был уже почти совсем здоров – назло корабельному замухрышке-доктору, как и пророчила мадемуазель де Ферре (кстати, на корабле её звали просто Жан). С каждым днём я всё больше и больше времени проводил на шкафуте, обучая своих парней неким премудростям дуэльного боя, а заодно и сам, учась у них. Итак, мы шли к экватору. Конечной нашей целью была крохотная бухточка – одна из многих – у берегов Санто-Доминго. Здесь, среди местных буканьеров, мы и собирались спокойно перезимовать. Но прежде нам предстояло ещё разок повеселиться. Мы ещё и не подозревали об этом, а Судьба уже решила всё наперёд и наш траверз должен был вскоре осветиться появлением того самого корабля, которому суждено было скорректировать ход моей истории в русле Истории...

Мы шли в фордевинд (18), когда раздался крик вахтенного: «Вижу вымпел!». Тут же было приказано доложить капитану, но он уже показался на шканцах. Через минуту вновь последовал доклад вахтенного: «На траверзе. Похоже, бриг (19). Не могу разобрать. Испанец. Идёт на нас...». «Ну, что же, сам напросился. Или читает мои мысли?! – промурлыкал капитан и тут же гаркнул – строго, сухо, по-военному. – Пушки к бою! Королевские паруса поставить!» Я подошёл к Ганьетту (между капитаном и офицерами на пиратском судне не было столь строгой субординации, и мы запросто обращались друг к другу по именам).

«Rage (20), ты уверен в исходе?» – обратился я к нему, используя его пиратское «имя».

«А ты нет?» – ответил он вопросом на вопрос.

– Я бы поостерёгся.

– Si vis pacem, para bellum! (21) А мы вскоре отомстим Испании за её несдержанность.

– Тогда тебе, наверняка, придётся сменить имя.

– ?

– Vengeur (22) подойдёт тебе больше.

Он не ответил. Лишь, неопределённо усмехнувшись, передёрнул плечами. Отдал ещё несколько команд канониру и боцману – я не прислушивался – всё моё внимание было привлечено приближающимся кораблём. Он был один, но отважен и величественен. Присмотревшись, я понял, что это был вовсе не бриг. Бриги не несут косых парусов. Это была бригантина (23). Несомненно, это была она. Величественная и красивая. Не знаю почему, но на меня вдруг нахлынуло такое чувство... желание владеть ею, желание назвать её своей. Тут я резко убрал трубу и подступил к капитану. «Кэп, – начал я, – прошу, отдайте приказ, стрелять картечью!» Он удивлённо взглянул на меня, сказав: «Теперь пришла моя очередь спрашивать тебя, в своём ли ты уме?!»

– Я захвачу её!

– Серьёзно?

– Верь мне! Она ДОЛЖНА стать моей. Прошу, отдай приказ.

– Хм,...

– Прошу, как друга, не отказывай...

Он ещё раз взглянул мне в лицо и, увидев в моих глазах неподдельную решимость и мольбу, кивнул. Его голос прозвучал особенно чётко: «Канониры! Подметите им палубу картечью, да поживее!». Помню, как волна великой радости захлестнула меня, и я чуть не кубарем скатился вниз, на шкафут, где принялся собирать своих людей. Отчётливо помню, что сказал им тогда, всего за несколько минут до того, как кошки (24) полетели в воздух и корабли сцепили. Моя речь была немногословна, а по сути такова: «Если захватим этот корабль, то, клянусь, на нём мы покорим весь мир! Двойной паёк и долю оставшимся в живых!» Они

взрели. Едва корабли сцепили, как мы ринулись в бой. Мои люди были со мной, как и моё верное оружие. И бился я отчаянно, прокладывая себе дорогу, буквально по трупам. Смутно помню то сражение. Это был первый сумасшедший абордаж в моей жизни, и кажется, я провёл его блестяще. Как бы то ни было, но в четверть часа палуба была очищена от людей! Скользя от крови, она не вызвала приятных ассоциаций. Вопреки моим ожиданиям, капитан и не подумал ступить на трофейный корабль. Мы лишь перегрузили содержимое трюма. Когда же я, забрызганный кровью и уставший вновь поднялся на шканцы, Ганьетт спросил меня: «Ты доволен?» «Да, бой был славный!» – откликнулся я, утирая лоб рукавом.

– Бой... Хм, груз тоже неплох. Теперь нам пора продолжить путь.

– А корабль?

– Будто ты не знаешь, что я делаю с ними со всеми!?

– Нет! Не нужно ТАК поступать с ЭТИМ!

– А ты что предлагаешь? Увеличить мне эскадру?

– Я не... не знаю, что и ответить. Но, по-крайней мере, не топи её.

– Хорошо. Отведём её в бухту. Там продадим кому-то из наших людей.

– И? Сколько ты попросишь за неё?

– Гроши, а что? Она едва на плаву. Думаю, тысяч пятнадцать в единовременном эквиваленте меня вполне устроят.

– А тринадцать тебя не смогут устроить?

– Хм, над этим стоит поразмыслить.

– Что ж, капитан, время есть.

– А ты смотрю, у меня корабль торгуешь.

– А что если и так?

– Хм, интересное дельце, но отложим его до тех пор, как прибудем в порт. А ты шёл бы умылся и рану перевязал...

Только сейчас я почувствовал, как по левой руке у меня течёт что-то тёплое – это была моя собственная кровь...

Лазурь над головой; лазурь под килем. Я сидел на краю пирса и по-мальчишески болтал ногами. Старший абордажник не должен был так себя вести, но я им уже не был. Вчера вечером, в присутствии всей команды, капитан Ганьетт де Ферре освободил меня от этой должности. Пожимая мне на прощанье руку, он сказал: «Что ж, друг, иди, верши свою историю, – и добавил уже тихо. – Теперь мы в расчёте!» На рассвете его шхуна ушла за горизонт. А я остался в порту. Но меня это ничуть не огорчало, скорее, напротив. Ведь в порту, на рейде, остался ещё кое-кто (для меня она уже стала «кем-то!»). МОЯ бригантина. Та самая, что я отвоевал. Когда я предложил Ганьетту заветные пятнадцать тысяч, он, усмехнувшись, отклонил кошель, со словами: «Дарю, ... но с условием, что оснастишь лучшим образом и покоришь на ней весь мир, как когда-то обещал своим ребятам!» Я был счастлив. И уже сегодня принялся за работу. Бригантину приводили в порядок. А ей ещё нужно было дать «имя». Его – то придумыванием я и занимался в то памятное утро. Все распространенные «имена» пиратских кораблей я сразу же отбросил, не желая повторяться. Иные не шли на ум... И я просто сидел и смотрел на горизонт, за которым скрылась то, что я берёг, в тайне от всех. Она и только она, сама того не зная, унесла частичку, да что частичку, всё моё сердце последовало за этой красоткой. И вновь её облик предстал передо мной. Тот миг, когда я впервые понял, кто она такая и полюбил её. Это я понял лишь сейчас, а жаль. «Жаннетта», – сорвалось с моих губ. Но мои проблемы вновь отпугнули мои заоблачные мечты. Но первостепенная из них уже была решена. Меня словно обухом по голове ударили. Ну, конечно! «Жаннетта» – вот, как я решил назвать свою бригантину. И, непременно, поставлю её под золотые паруса, как волосы той кра-

сотки, которая похитила моё сердце навеки. А на флаге я решил изобразить то самое сердце, сжимаемое костлявой рукой...

Прошло три недели и «Жаннетта» вышла в море. Золотые лучи солнца заставляли её паруса гореть, словно пиастры, а флаг реял гордым вымпелом. Мне не составило труда набрать команду – матросы шли ко мне охотно, балагурия: «Под золотыми парусами, в золоте не будет недостатка!» Любовь морских волков к разного рода символам затмила всё. Они даже не обращали внимания на молодость капитана, т.е. мою.

Итак «Жаннетта» вышла в море. Собственно говоря, с этого момента и начинается моя собственная история. Порой кровавая и полная слёз, а порой – тихая и однообразная. Словом, такая, какая есть...

ГЛАВА 2 – Мечта

размышления – «испанец» – Луис дель Норте Эль Морре – бунт – пожар – казнь пленных – друзья – новый курс.

«Взлетая в небеса птицей сизокрылой,
Качаясь на волнах и слушая прибой,
Мы жизнь свою меняем на золото и драки,
Мы жизнь свою меняем на красное вино!

Пусть жизнь вся без остатка
Проиграна, пропита в тавернах портовых;
И лишь тогда из порта уходит бригантина,
Когда команда снова всё спустит до гроша!

Вся наша жизнь проходит в боях и авантюрах,
Которые, порою, нам стоят головы,
А кровь пускай струится рекой по квартердеку,
О мёртвых не жалеют – ведь Бог нам запретил!

Пусть жизнь вся без остатка
Проиграна, пропита в тавернах портовых;
И лишь тогда из порта уходит бригантина,
Когда команда снова всё спустит до гроша!

Вот так идём по миру —
Бездомные, безродные —
Бродяги вне закона,
От податей свободные!

Пусть жизнь вся без остатка
Проиграна, пропита в тавернах портовых;
И лишь тогда из порта уходит бригантина,
Когда команда снова всё спустит до гроша!

И лишь тогда из порта уходит бригантина,
Когда команда снова всё спустит до гроша!»

– певец смолк, и наступила тишина. Много же переменилось с тех пор, как ... «А, впрочем, какая разница?» – подумал капитан. И тут же внутренний противный голосок возразил: «Ну, конечно, никакой! Подумаешь, стал на несколько лет старше! Ну, подумаешь, отпустил окладистую бороду и волосы до плеч, а лицо, ... даже черты лица изменились, стали другими, а в глазах застыл лёд жестокости, пожалуй, уже навсегда...» «Нет, прошлого уже не вернёшь, а ошибки молодости не изменить!» – решил капитан, вставая. Но у двери каюты он задержался и подумал: «Хотя, всё невозможное – возможно, стоит лишь возжелать этого всем сердцем, а я уже столь долго жажду...» И он улыбнулся, может быть, впервые за несколько прошлых лет...

Раздавшийся окрик вахтенного прервал мои размышления: «Шхуна на траверзе!» – донеслось сверху.

«Доложить о флаге!» – последовала моя команда, в точности продублированная боцманом.

«Эскориал!» – последовал ответ в ту же секунду. Я потянулся, хрустнув пальцами рук. «Готовьте пушки!» – мой голос был столь спокоен, что я сам себе удивился. «Есть» – козырнул боцман, передавая команду канониру. Привычная бегодня по палубе, грохот, шум... «Уменьшить площадь парусов!» – донёлся голос старпома со шканцев. В мгновение ока «Жаннетта» была подготовлена к встрече с врагом, команда стояла на своих местах.

«Просигнальте им, что они имеют право на добровольную сдачу!» – сказал я боцману. Тот торопливо повиновался.

«Чего Вы возитесь с ними, Кэп?! Пристрелить их и вся недолга!» – фыркнул старпом, нервно теребя портупею.

– Мы и они всё же люди и должны...

– Простите, Кэп, но Вы ошиблись! Это ОНИ – люди! Мы – ПИРАТЫ! Проще обыскивать мёртвых людей!

– Вы правы, Луис. И упаси Вас Господь, поднять бунт. В таком случае, я первым обыщу Вас, с пулей промеж глаз!

Словно подтверждая мои слова пушка на носу выстрелила холостую, подавая испанцам сигнал, что они всё ещё могут добровольно спустить флаг и сдаться на милость победителя.

Луис дель Норте эль Морре – по кличке Fataliste (25) – презрительно фыркнул, передёрнув плечами. Временами я сожалел, что принял на борт этого человека. Он был сущим Дьяволом во плоти – пил, не просыхая, в каждом порту, где мы задерживались дольше, чем на час; курил горький кубинский табак, не выпуская трубку изо рта даже во время боя и во сне; он был кровожаден и в бою всегда первым ступал на борт захваченного судна; властолюбив и непомерно жесток. Пару раз я видел, КАК он восстанавливал порядок и дисциплину на борту, когда в трюме был «живой груз», решившийся на бунт... А ещё он был живуч. Однажды, увидев, как он избивает матроса за какую-то мелочь, я решил вмешаться. В порыве ярости, он несильно хлестнул меня девятихвосткой (26) по руке. Я в ответ вызвал его на дуэль. Помнится, это было на третий месяц нашего совместного плавания. К тому времени я уже прекрасно знал его – стрелял он без промаха, а тут пуля едва царапнула мне плечо. Оскорбленный этим ещё более, я всадил в него все четыре пули из своего пистолета. Другой бы не выжил, на что я и рассчитывал, но он не издох... Едва оправившись, он первым пришёл в мою каюту и искренне попросил прощения. С тех пор мы стали друзьями. Я не раз жалел, что не списал его на берег, но одумавшись, понимал, что без него будет сложно. Но никто, даже я, не знал его истинного прошлого. Кроме, пожалуй, одного эпизода – он был французом с испанским именем и чисто парижским выговором, кровожадным, озлобившимся на весь белый свет французским волком, верившем в неотвратимость и неизбежность судьбы. Я слышал, что он был работорговцем, но, попавшись, вынужден был бежать в Испанию, где попал в матросы. Вследствие того, что неплохо знал кастильский и морское дело. Попал в заварушку у берегов Англии и после разгрома «Непобедимой Армады» (27) бежал в Новый Свет, спасая свою шкуру. И вот теперь этот бравый парень был в моей команде. И каждый раз перед абордажем он говорил мне одно и то же: «Проще обыскивать мёртвых людей!» И каждый раз при этих его словах, я жалел, что не списал его на берег в прошлом порту; обещал себе непременно сделать это в следующем, прекрасно зная, что не сделаю. Прошёл уже год... Мы готовились ко второй экспедиции за океан – в дебри Конго (28) – и я прекрасно понимал, что без опытного работорговца – над-

смотрщика мне не обойтись. Луис сплюнул на палубу и сунул себе за щеку очередную порцию спрессованного табака. Если он не курил трубку, так жевал табак – я уже привык к этому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.